

НАША СТРАНА

ОСНОВАНА И. Л. СОЛОНЕВИЧЕМ
“NUESTRO PAIS”

SEMANARIO MONARQUICO RUSO

Registro Nacional de Propiedad Intelectual Nº 523.142

Correo
Central B.
Argentina

FRANQUEO PAGADO
Concepción Nº 4233
Concesión No. 3980

INTERES GENERAL

Editor-Director
VSEVOLOD DUBROWSKY
Casilla de Correo 2847
Buenos Aires Argentina

AÑO IX Buenos Aires, Jueves, 25 de julio de 1957

Буэнос Айрес, четверг, 25-го июля 1957 года № 392

АЛЕКСЕЙ РОСТОВ

НА РОДИНЕ

62. ВЗРЫВ ANTIAMЕРИКАНСКОЙ ПРОПАГАНДЫ. — СТРАННОЕ МОЛЧАНИЕ ПО ПОВОДУ РЕФОРМЫ ПРОМЫШЛЕННОСТИ. — СОВЕТСКИЕ ПИСАТЕЛИ ЗАПУТАЛИСЬ ПОД УДАРАМИ КРИТИКИ. — ЮБИЛЕИ В БАШКИРИИ И В ЛЕНИНГРАДЕ. — СТАЛИНСКИЕ ЖЕРТВЫ ВСПОМИНАЮТ ЛЕНИНА. —

За последние недели усиливается в советской печати антиамериканская пропаганда, что явно связано с затруднениями Зорина в лондонских переговорах по разоружению и запрещению атомного и термоядерного оружия. Несмотря на свою похвалу в выступлениях маршала Жукова, советское военное командование знает, что сейчас любой участок советской территории может пострадать от атомной атаки американской авиации, на что можно ответить бомбежкой американских баз в Европе и Азии, но не атаккой на территорию Соединенных Штатов. Поэтому выгодно на время отказаться от тех видов оружия, в которых СССР пока слабее противника, но сохранить все виды наземного и морского оружия (танки, артиллерия, подводные суда), по которым СССР сильнее своих противников и рассчитывает нанести сразу сокрушающие удары. Но эти планы пока не удаются, Соединенные Штаты не хотят столкнуться с СССР за счет европейских союзников и пойти на соглашение, которое было бы изменой Атлантическому пакту и толкнуло бы обманутых союзников на сепаратные соглашения с Советским Союзом.

Поэтому Громыко так грубо напал на командующего силами Атлантической коалиции генерала Норстеда, а советская печать раздувает почти ликвидированный инцидент с убийством американским солдатом японца и антиамериканские беспорядки на острове Тайван. Особенно раздувается неизвестный на Западе несчастный случай на афинской улице 31 мая с. г.: американский офицер М. Мусали, правивший своей военной автомашиной раздавил на смерть проходившего по улице греческого коммуниста “генерала” Стефаноса Сарафиса, который в годы войны командовал Эллас (греческая коммунистическая партизанская армия, именовавшаяся тогда “народно-освободительной”). Жена Сарафиса была тяжело ранена. Греческая полиция арестовала летчика-офицера Мусали, который пока передан американским властям, но будет судиться греческим судом за вызвавшую катастрофу неосторожную езду. В виду того, что Сарафис был депутатом парламента, куда выбран после амнистии за свои преступления в период гражданской войны 1944-49 г.г., советская печать кричит, что это было предумышленное убийство вождя левой прокоммунистической части депутатов. Но, несмотря на понуканья из Москвы, похороны Сарафиса 2-го июня прошли совершенно мирно и на эту тему советские газеты замолчали.

Гораздо более странным представляется молчание по поводу пресловутой реформы управления промышленностью. В Казахстане и Узбекистане решили создать не по одному, а по семь и по четыре совнархоза. В других республиках это еще не решено, но уже сейчас можно думать, что вместо 92 будет 105 совнархозов, которые несомненно будут потом “сливаться” и “укрепляться”. Но отрицательные стороны реформы уже начинают сказываться: местные исполкомы еще до формирования совнархозов уже начинают

отказывать в отгрузке стройматериалов в другие области, заявляя, что новый совнархоз сам решит — следует ли использовать свои стройматериалы у себя или делиться с соседними областями в ущерб своей местной промышленности. В качестве анекдота можно привести распоряжение камчатского совнархоза изгнать из своей рыболовной базы все суда, приписанные к Владивостокскому совнархозу, что срывает рыбный промысел. Еще комичнее решение Сумского совнархоза отобрать свою электростанцию, оказавшуюся в пределах Ворошиловградской области. Пришлось Москве вмешаться, чтоб помешать разборке электростанции. Мне представляется, что очень скоро все эти местнические попытки будут прекращены, кое-кто из местных администраторов попадет за них в тюрьму и тогда все эти совнархозы снова превратятся в простых исполнителей приказов Москвы и будут даже по мелочам запрашивать Госплан СССР, чтобы не оказаться потом в ответе за из-

лишнее своеволие. Интересно отметить, что “Правда” за последние дни жалует на равнодушие местных обкомов к реформе, что объясняется их выжидательной позицией.

Читатели помнят, как в статье моей от 13-го июня я высказывал предположение, что Хрущев пожертвует министерством тяжелого машиностроения К. Д. Петуховым, сын которого обвинялся в пьянстве и разврате с тремя генеральскими дочками, и после ликвидации его министерства пошлет его “далеко от Москвы”. Но я недооценил влиятельные связи этого члена ЦК. Вместо отъезда в провинцию его назначили председателем Московского Областного Совнархоза и по существу он попрежнему будет сидеть в Москве, управляя различными заводами при сотрудничестве подобранных им работников упраздненного его министерства, а провинциальные заводы перестанут быть его заботой. Таким образом он так же усидел

В воскресенье, 28-го сего июля, в ДЕНЬ ТЕЗОИМЕНИТСТВА
 Главы Династии, Е. И. В. Великого Князя
 ВЛАДИМИРА КИРИЛЛОВИЧА
 в Кафедральном Соборе Воскресения Христова (Вижа Пуэйрредон)
 после Божественной Литургии будет отслужен

МОЛЕБЕН

о здравии ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА
 на который приглашаются все русские люди.

Корпус Императорских Армии и Флота — Союз Императорской Конницы и Конной Артиллерии — Союз бывших Императорских Кадет — Российский Имперский Союз-Орден и Народно-Монархическое Движение.

в Москве, как и перешедшие в Госплан А. Н. Косыгин, В. П. Зотов, Н. И. Строкин, Е. С. Новоселов, Г. С. Хламов, которые в отличие от Петухова оказались еще раз членами совета министров СССР. Впрочем при безалаберном проведении реформы может еще оказаться, что председателя столичного совнархоза персонально назначат министром СССР. Все это доказывает, что и все-таки, казалось бы, Хрущеву не удастся выжить из Москвы тех министров, которые являются членами ЦК. Мы еще не знаем, кто из других министров, у которых ликвидировали их министерства, войдет в предусмотренный законом от 10-го мая с. г. Научно-Технический Комитет, состав и структура которого еще не опубликованы.

Под ударами критики, о которых я писал в предыдущей статье, писатели замесались и уже не знают: кому угождать, кого разоблачать, кому воспевать похвалу? Читая их критики, вспоминаю, как опальный старый журналист, которого встретил я во время сибирской ссылки, поучал молодежь одной редакции, обедая за соседним со мною столом: “главное для нашего брата — знать, о чем теперь писать; вот в прошлом году надо было писать о спаренной езде (для незнающих советского жаргона 30-х годов поясняю, что это означает прикрепление машиниста с ко чегаром “парой” к одному паровозу, чтоб они вместе отвечали за его работу) и о силосовании кормов, а теперь вам надо переключиться на ширпотреб (выпуск предметов широкого потребления) и на заботу о живом человеке!”

Вот и сейчас: одни устремляются на вопросы постройки удобных квартир, а другие дискутируют проблемы семейной верности. По первому вопросу интересную статью напечатал архитектор Г. Борисовский в № 5 “Нового Мира”. Из нее узнаем, что теперь в борьбе с “излишествами в строительстве” (выдумать же такое выражение!) опять строят большие квартиры на несколько семей с общей кухней и ванной. Он говорит, как одна знакомая ему сообщила свою радость: “обменяла комнату с удобствами — газовой плитой, ванной, лифтом — на комнату без всяких удобств, с малюсенькой кухней, но зато избавилась от соседей!” Автор отстаивает изолированные маленькие квартиры на одну семью и доказывает, что не будет расхода на дополнительную площадь в каждой квартире, ибо в такой изолированной квартире надо приучить семью обедать на своей индивидуальной кухне и можно совместить уборную с ванной, а теперь в общих квартирах надо предупреждать всех соседей, что берешь ванну и предложить им до этого воспользоваться уборной. Затем он предлагает в комнате на одну семью завести передвижную перегородку: толщина ее — 5 сантиметров с прослойкой из толя для изоляции звука. Эту новинку избрал архитектор Троицкий, адрес которого он дает: Москва, Стапоконюшенный пер. д. № 17, кв. 15. Тогда можно иметь одну большую комнату на семью: при гостях пе-

Е. И. В. ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ВЛАДИМИР КИРИЛЛОВИЧ

перегородка раздвигается и можно танцевать. На ночь перегородка задвигается; по одну ее сторону спят старые супруги, по другую — взрослые дети. Утром глава семьи идет в министерство, жена по магазинам и рынкам, но при раздвинутой перегородке дети могут бегать и резвиться.

Из этой статьи ясно, что жилищный кризис вовсе не близится к разрешению и перед архитекторами стоит старый вопрос: как записать побольше семей в новый дом, как урезать площадь под кухню для одной семьи, как сочетать ванную с уборной и т. д. Все это относится еще к показательным столичным домам, а на стройках и в провинции по-прежнему на кухне симфония шести примусов и спор о том, кто пролил воду? По уборным висят мудрые правила: "уходя, спускайте воду и тушите свет!"

Проблему любви пытается по-новому поставить драматург Погодин (которому так влетело за пьесу "Они втроем поехали на целину") в своей новой пьесе: "Сонет Петрарки". Идеальный 50-летний партизанин, начальник большой стройки, привыкший смолоту только ненавидеть классовых врагов и вредителей, вдруг влюбляется в молодую комсомолку Майю и приходит к выводу, что теперь партийцам "пора научиться любить". Но жена, "статная баба", с которой он прожил 20 лет, с этой не хочет согласиться: "У меня и братья и сестры все на хороших местах, брат Никифор — генерал и вся грудь в орденах", — грозит она мужу, — "не дам развода, мое мной останется!" Она жалует секретарю парткома стройки: "что у него за мечты. Пусть его с наждаком протрут. Теперь с крепкой советской семьей с этими мечтами не возрадуешься! Я ему покажу эту его Лауру!"

Муж обозлился, уехал от семейных сцен. Но его пробирает Даднинов, секретарь парткома стройки: "Зачем ты уклоняешься от своих супружеских обязанностей? Почему не живешь дома? Твои словечки на мелкобуржуазный анархизм смахивают. Самая лучшая диалектика — с женой помириться. До каких пор говорить о любви? Любовь решает в молодости, а потом любовь не только ничего не решает, но даже мешает!" Но бедных влюбленных спасает "чуткий" секретарь Обкома (он в советских пьесах уже по своей должности олицетворяет высшее правосудие!) Разобравшись в глубине любви Суходолова (герой пьесы) к Майе, он рассуждает: "Я его понимаю. Это любовь, как песня! Значит, у него еще сохранился юный светлый ум! Ну как я мог поддаться этим двум диким бабам (недавняя развода жена и ее подруга, обвинявшая ее мужа)! Преступление! Разврат! Вот тебе и пережитки... да какие... Дононов (секретарь стройки, поддерживавший покинутую жену) тоже, но что он? Мещанин! Дело персональное — в архив!" Так он кладет конец "интригам" жены и помогает советскому "Петрарке" найти свое счастье с новой "Лаурой".

Эта пьеса имеет огромный успех и отзвучивает в правящих кругах тенденции советских бюрократов искать "поэзии Петрарки" с Лаурами из комсомола, отбросив обросших "мещанством" при вельможном муже и стареющих жен. Пьеса может быть реакцией на начатую в годы войны пропаганду за "крепкую семью", которая стесняет партийного громовержца. Ведь толкуют же в Москве, что перед выдвижением Е. А. Фурцевой в Президиум ЦК, Хрущев предостережительно отправил ее мужа Н. П. Фирюбина послом сначала в Прагу, а оттуда в Белград, где ему поручено следить за ересями непокорного Тито.

Интересно привести письмо группы советских студентов-карьеристов, прочитанное писателем Атаровым на одной конференции по поводу фильма: "Ромео и Джульета" с участием Улановой, игравшей которой они одобрили: "Гибель героев — нестерпимая фальшь! Кому же придет в голову покончить с собой из-за любви? Глупая, бессмысленная смерть, без всяких причин, толкающих на это, смерть из-за любви! Безидеально и безтактно!"

В пазыках советских пьес, повестях и статьях серьезно обсуждают: "определяется ли любовь беспредельной преданностью нашей молодежи одной общей цели? Может ли недостаток образования и отсутствие квалификации у женщины служить препятствием для брака?" На это одни литераторы отвечают: нет, если он обещает повысить эту

квалификацию, продолжая учиться; другие возражают, что он может обзавестись семьей без "повышения квалификации".

Один критик пишет: "любовь не оправдывает уход из семьи. Любовь приходит и уходит, а семья у человека должна быть одна!"

Талантливая поэтесса Вероника Тушнова (дочь крупного ученого — основателя лизотерапии), наоборот, ратует за уход от мужа в случае нового сильного чувства и негодует на советских женщин, рассуждающих таким образом:

А важно что? Солидный муж и дети, Машина, дача, образцовый дом...

Обман? Ну что ж, так все живут на свете

И что предосудительного в том Армянский поэт Паруйр Севак еще энергичнее выступает на эту тему:

"Спасать семью, которая давно

Разрушилась уже сама собою?

Как быть? Себе не разрешать

И ежедневно лгать благопристойно?

Не по душе мне тех советов лживость,

Что обещают тишь да благодать.

Советуйте другим. Я вам не жидкость,

Чтоб форму по сосудам принимать!"

Наличие подобных настроений и появление подобных заявлений в советской литературе и театре ставит перед нами вопрос: не инспирировано ли это новыми проектами партии в отношении ослабления "крепкой советской семьи"?

В этом вопросе, как и хотя бы в управлении промышленностью, коммунистическая диктатура бросается из одной стороны в другую: то поощряя свободную любовь и сводить развод, как и брак, к канцелярской формальности, то запрещать разводы, не позволяя взыскивать алименты, создавать "незаконных" советских детей, то опять раскрепощать семью, поощряя женатых партийных Петрарк в поисках на стройках новых Лаур, карать и бичевать не советских ловеласов, а партийных лицемеров, не понимающих велеаний сердца у орденосных слуг партийной диктатуры.

Сейчас с большим шумом и показным блеском проходит полоса юбилеев. Началось с празднования в Уфе 400-летия добровольного присоединения Башкирии к царству Иоанна Грозного. Обстоятельства этого присоединения почти не передаются в печати, зато подчеркивается, что башкиры вместе с русским народом вешали помещиков в эпоху Пугачева, били войска Наполеона и Гитлера. Конечно, при этом умалчивается, что они на выборах в Учредительное Собрание провалили большевиков, поддержали выступление чехословаков летом 1918 года, а в последнюю войну перебежали к немцам, сформировавшим из башкир национальный легион. При этом ненависть башкиры проявляли во всех случаях не к русскому народу, а к его коммунистическим угнетателям. Юбилей парадно провел присланный от ЦК Н. М. Шверник, раздавший сотни орденов и медалей; на берегу реки Белой заложен памятник в память этого юбилея. 14-го июня республике пожалован орден Ленина. Менее парадно, неделю спустя, отпраздновано 400-летие добровольного присоединения Кабарды, при чем не упоминалось уничтожение Сталиным и воскрешение Хрущевым Балкарии; награды посыпались на новую Кабардино-Балкарскую республику.

23-го июня парадно справляли 250-летие Ленинграда.

Еще 19-го июня открыт памятник А. С. Пушкину в сквере на площади Искусств (хорошо нам памятная Михайловская площадь перед музеем Императора Александра III-го). В тот же день состоялось открытие Петровской горки, на том месте, где Царь Петр велел заложить Пулковскую обсерваторию.

21-го июня город награжден орденом Ленина и различным его партийным и советским работникам, артистам, ученым и рабочим роздано 339 орденов Ленина, 1.253 — Трудового Красного Знамени, 1.835 — орденов "Знак Почета", 2.014 медалей "За трудовую доблесть" и 1.773 — "За трудовое отличие". Среди Лейнинских "кавалеров", конечно, первый секретарь Обкома Ф. Р. Козлов, второй секретарь — Н. Н. Родионов, 1-й секретарь Горкома — И. В. Спиридонов, 1-й секретарь ВЛКСМ — В. Т. Шумилов и т. д. Орден Ленина дали и газете "Ленинградская Правда". В тот же день заложен памятник Ленину на месте бывшего памятника Императору Александру III-му на Знамен-

ской площади, перед станцией метро,

стоящей на месте Знаменской церкви. 22-го июня состоялось торжественное заседание в б. Мариинском театре, где от имени ЦК и правительства подносил орден член ЦК А. А. Андреев, в прошлом большевик-подпольщик с 1914 года. Конечно, в его мерзкой речи не говорилось о былом величии столицы, а лишь о декабристах, петрашевцах, Чернышевском и Белинском, о Ленине и его здесь революционной работе, о революции 1905 и 1917 г.г., об осаде его "фашистами" в 1941-43 г.г. Среди выступавших после него от имени советской интеллигенции говорили академик-судостроитель М. П. Костенко, которого я встречал в 1930 году... в коридоре Ленинградского Дома Предварит. Заключение, когда наши соседние общие камеры выводили на совместную прогулку. Знаю, что он потом поехал в Соловки на 10 лет и рад, что он выжил и стал академиком, как и А. Н. Туполев! Костенко должно быть сейчас лет 70! Среди награжденных артистов Аскольд Макаров, которого видел в прошлом году в качестве туриста — он тогда готовил свой балет "Спартак". В "Правде" помещен стихотворный привет из Буэнос-Айреса аргентинского поэта Рауля Гонсалес Тунья она в переводе поэта В. Виноградова.

В день юбилея, после долголетнего перерыва, в 12 часов раздался пушечный выстрел из Петропавловской крепости, что объявлено восстановлением вековой традиции. В конце Московского проспекта заложен памятник в честь побед под Ленинградом в войне 1941-45 г.г., днем состоялся митинг на Кировском стадионе, на котором представление: "Петербург — Петроград — Ленинград" началось маршем солдат в форме преображенцев эпохи Петра Великого, затем, была изображена фигура двуглавого орла, которого зачеркивают красными флагами, потом инсценировка революции, осады и победы над немцами. Кончилось прохождением по стадиону гигантских моделей мощного генератора, первого в мире атомного ледокола, поезда ленинградского метро. Кстати, его строители, вероятно, опоздали, ибо печать молчит об обещанном открытии в день юбилея второй линии метро от Николаевского к Финляндскому вокзалу. Надо думать, что трудности произошли при прорытии в кессонах туннеля под Невой, ибо первая часть туннеля метро до берега Невы была закончена еще в марте.

Отметим, что некоторые исторические названия снова возвращаются: Дворцовый мост уже не зовут мостом Республики, зато Троицкий мост все еще называется Кировским, Николаевский — мостом лейтенанта Шмидта.

На Стрелке Васильевского острова на ростральных колоннах вновь зажжены никогда не потухающие сигнальные огни, которые будут видны издали при ближайшем судам.

Таврическому Дворцу тоже вернули его историческое имя, после того, как он носил грязные имена Зиновьева и одно время Ленина. В нем Ленинградский исполком дал 23-го июня банкет в честь гостей из союзных республик и зарубежных стран.

В последнем номере журнала "Нева", генерал-майор Г. Караев поднимает вопрос о постановке памятника Александру Невскому при устье Ижоры, где он разбил Биргера. Он пишет, что теперь эта территория занята под огороды, а частично просто покрыта всяким хламом. Помню, что еще в 1926 году, проезжая вверх по Неве в Шлиссельбург (теперь переименован в Петрокрепость), я видел с парохода на этом месте старинный храм "Кулич и Пасха", названный так потому, что церковь имела форму высокого кулича, а рядом стоявшая маленькая звонница — форму пасхи. Эта постройка относилась, если не ошибаюсь, еще к новгородским временам. Она сохранилась, как видно из снимка, приложенного к заметке генерала Караева. Под давлением самого народа антинациональное правительство вынуждено воскрешать некоторые исторические имена, восстанавливать некоторые традиции, возвращать исторические имена старым городам или улицам. Но в то же время многие снимки Ленинграда, которые мне довелось видеть, показывают, что многие памятники нам с детства места мы совершенно не узнаем, когда Господь приведет вернуться в освобожденную Россию...

О Сталине сейчас в СССР стараются не вспоминать, даже по случаю всяких юбилеев. Зато усиленно насаждается

Политическая Хроника

ДИМИТРИЙ ВЛАСТАРИС

Нам пишут из Лондона:

Английский политический информационный бюллетень "Уорлд Сюрвей" опубликовал большую статью, в которой он сообщает, что состоявший до конца 1955 года начальником греческой политической полиции Димитрий Властарис был и ныне, — после своей отставки, — остается советским агентом, виновным в оказании активной помощи другим советским агентам в нескольких странах, а также в выдаче русских эмигрантов большевикам.

В частности, английский информационный бюллетень обвиняет Властариса в следующем:

В январе 1945 года по его распоряжению выдан был большевикам нашедший убежище в Греции бывший полковник Советской армии Михаил Гончаров, впоследствии расстрелянный большевиками в Софии;

В мае 1945 года Властарис оказал содействие советскому агенту, некоей Афанасейчук, которая прибыла в Грецию под видом беглянки из СССР на американском транспорте, на который она проникла в Одесском порту; в Афинах Афанасейчук вышла замуж за американского унтер-офицера и в качестве его жены попала в Соединенные Штаты, где была разоблачена американской контрразведкой;

В сентябре 1948 года Властарис оказал содействие греческому коммунисту Николаю Христофору, проникшему в Грецию, под видом американского марроса, для передачи крупной денежной суммы руководителям греческой коммунистической партии; при содействии

культу Ленина и все воспоминания, которые уже сейчас начали печатать в подготовке к 40-летию большевистской тирании, полны всякими елейными рассказами о нем. Так, например, изданы старые воспоминания о Ленине расстрелянного по приказу Сталина и проискам Хрущева П. П. Постышева, о котором сказано: "Сейчас Павла Петровича нет в живых, но наш народ хорошо помнит его — славного ленинца, одного из виднейших деятелей коммунистической партии..."

В различных журналах находим воспоминания о работе с Лениным Подвойского, Дыбенко, Бубнова, которые играли большую роль в дни Октябрьского переворота, но наряду с ними ни разу не упоминается о той роли, которую играл хотя бы Троцкий. У меня создается впечатление, что сейчас решено реабилитированным считать только тех, кто играл в партии роль еще на 17-ом съезде в 1934 году и пострадал от террора после этого, как вышеозначенные сподвижники Ленина или нарком здравоохранения Владимирский. По изданном теперь его мемуарам о Ленине получается впечатление, что автор еще жив и перед нами не посмертное издание, как это прямо сказано, когда читаем печатаемые теперь статьи и письма Кольцова, Бруно Ясенского, стихи Заболоцкого. Неясно, как обстоит дело с военными: как будто все военные вожди, как Тухачевский, Егоров, Алкис, Блюхер, Гамарник, Уборевич до сих пор еще считаются врагами народа.

Маленькое замечание: мне на днях довелось читать книгу Льва Любимова "Тайна Императора Александра I". Экземпляр этот принадлежал умершему два года тому назад католическому монаху — писателю и профессору Восточного Института в Риме о. Кологривову, и на нем я с удивлением прочел: "Высокочитимому отцу Иоанну Кологривову от глубоко его уважающего младшего его товарища лицеиста 79-го курса Л. Любимова. 29.7.1939 г." Надпись (по старой орфографии) относится к тому периоду, когда, как знают читатели, накануне войны (за три дня до нападения Германии на Польшу) Любимов по собственному рассказу в советской печати уже входил в прокоммунистический кружок Бунакова-Фондаминского и был связан с советской агентурой. Письма этой книги "старшему лицеисту" вызвана, вероятно, его расчетом получить в ответ благодарственное письмо от отца Кологривова, которое показало бы советским органам разведки, что их агент имеет свои связи в Ватикане, которые могут интересовать советскую агентуру Берия на Западе.

Алексей Ростов

Властариса, Христофору удалось избежать в Греции суда, вернуться в Соединенные Штаты, где он впоследствии получил американское гражданство;

В марте 1951 года Властарис помог советскому агенту, который прибыл в Грецию из Соединенных Штатов под видом нелегального пассажира на американском пароходе «Ла Гвардия»; в Афинах этот советский агент выдавал себя за греческого подданного Георгия Метаксаса, но греческие власти обнаружили, что его, в действительности, зовут Христофором Гелекледиевым, родившимся в Темрюке в 1918 году и служившем ранее в МВД в Краснодаре; Властарис не только содействовал освобождению Гелекледиева, но и снабдил его бумагами, по которым он — как утверждает «Уорлд Сюрвей» — до сих пор проживает в Греции.

После своей отставки Властарис открыто примкнул к организациям, сочувствующим коммунизму, и ныне принимает участие в их выступлениях, направленных против существующего в Греции государственного строя.

НИЧЕМ НЕ БРЕЗГУЮТ...

Нам пишут из Нью-Йорка:

«Радио-Корпорация Америки» (основанная еврейским эмигрантом из России, американским генералом Давидом Сарновым, и ныне руководимая его сыном) выпустила в продажу грамофонные пластинки с отрывками из оперы Мусоргского «Золотой Петушок». Музыке предпослан комментарий, в котором сказано, что оперу Мусоргского и пушкинскую «Сказку о царе Салтане», на которой основано ее либретто, надо рассматривать, как... «пародию на дурацкого самодержавие». Так преподносится американским слушателям история русского искусства...

В КРИВОМ ЗЕРКАЛЕ

Нам пишут из Нью-Йорка:

Выходящий здесь на английском языке «Украинский Бюллетень», орган Украинского Конгресса в Америке, опубликовал подробный отчет о выступлении вице-президента этого Конгресса, Иосифа Лесавера, на собрании, посвященном «будущему судье государственных дел». Собрание было устроено католическими кругами и находилось под покровительством Бруклинского епископа.

Лесавер заявил, что «русский коммунистический империализм является главным врагом украинской свободы и всего свободного мира». Не столь очевидно, но не менее значительна, — по мнению Лесавера, — опасность, которую воплощают «с точки зрения Украины и других нерусских народностей Советского Союза русские монархисты или, другими словами, царские империалисты». Коммунисты, по крайней мере, признают, — сказал Лесавер, — существование украинской нации, белорусской нации и т. д., но «так называемые белые или царские россияне и, особенно, аристократы и интеллигенция отрицают существование украинской нации, утверждая, что нет ничего, кроме Малороссии». Они же, по словам Лесавера, «проявляют пламенное стремление к восстановлению новой императорской Матушки-России и к подчинению не только самих русских, но и всех остальных национальных групп Советского Союза монархическому контролю».

«Этот вид шовинизма, — сказал Лесавер, — в такой стране, как наша (то есть в Соединенных Штатах), может, на первый взгляд, показаться безвредным, но затем мы вспоминаем, что он активно концентрируется в самых высших кругах американского общества в лице обладающих силой убеждения русских титулованных людей, положение которых усиливается их матримонными связями с обладательницами самых крупных состояний Америки, и тогда проблема кажется нам более серьезной. Люди такого калибра могут оказывать и, действительно, оказывают влияние на мышление руководителей правительственной политики Соединенных Штатов и на лидеров американского общественного мнения в таких важных и чувствительных областях, как образование и журналистика. Существуют многочисленные доказательства того, что это влияние было эффективно и что под этим воздействием украинский вопрос и вопросы, связанные с жизнью других нерусских групп старой Российской Империи или ныне существующего Советского Союза, не всегда получали правильную оценку и не всегда разрешались в соответствии с нашими интересами».

Н. Потоцкий

ОБЗОР ПЕЧАТИ

В 61-й тетради «Возрождения», в политическом обзоре «Дела и люди» (подпись автора не дано), после описания студенческих антиправительственных выступлений в СССР и после установления факта разрыва между партийной властью, с одной стороны, и интеллигенцией, рабочим народом и армией, — с другой, делается следующий вывод: «Теперь уже не только мы, но и такие проникательные иностранные наблюдатели, как А. Метаксас (автор в этом же духе написанной статьи в американской газете «Сандей Таймс»), печатают черным по белому, что нынешний режим в России повис в воздухе, окончательно оторвавшись от народа, что он не опирается больше ровно ни на что, что все мудрые расчеты коммунистических верхов оказались перечеркнутыми фактом появления активного общественного мнения, представленного, главным образом, русской молодежью, и что при этих условиях падение власти — вопрос времени и не более». Надвигается, следовательно, «новая революция», в «решительный час» которой «за ничтожными исключениями, сам кадр коммунистической партии уже не будет отстаивать коммунистическую идею и партийный механизм может разлететься на куски».

Каюсь, от такого серьезного и подлинно-национального русского журнала, как «Возрождение», я ожидал более серьезного отношения к подобному вопросу, чем явно солидаристические установки, на основе которых товарищи из НТС уже долгие годы предсказывают нам самую «новую революцию», которая вот-вот готова разразиться в СССР и которая одержит блестящую и легкую победу над режимом, ибо он уже «не опирается ровно ни на что!» Особенно это последнее утверждение не может не вызвать самого резкого скептицизма со стороны настоящих проникательных наблюдателей жизни в СССР, хотя бы только за последние 25 лет. Еще в своем блестящем анализе политической структуры СССР в книге «Россия в концлагере» И. Л. Солоневич дал нам яркую картину того, как Сталин перенес центр тяжести опоры советской власти со старой гвардии большевизма на партийный актив, этот «приводной ремень к массам», на «твердой души прохвостов», активистов, политуриков и политотдельщиков всех мастей, преданных власти и за страх, и за совесть, ибо при всяком другом режиме им, как в одной из своих статей писал Иван Лукьянович, пришлось бы только, и это в лучшем случае, подметать улицы. За эти 25 лет у этого нового правящего слоя СССР выросли уже дети, которых они, конечно, постарались сделать такими же идейными, а вернее, безидейными прохвостами и продвинули их на всякие привилегированные и хлебные местечки. Что же изменилось с тех пор? Не этот ли актив, выдвинувший теперь вот всех этих «сталинских волчат», вроде Громыко и Шепилова, продолжает оставаться вернейшим и надежнейшим оплотом правящей верхушки, т. е. именно тех кадров коммунизма, которые, по утверждению «Возрождения», — а для меня личное совершенно непонятно, почему, — готовы уже предать свои собственные идеи и свои шкурные интересы? Автор обзора забыл также о нескольких сотнях тысяч войск специального назначения, откормленных, прекрасно одетых и до зубов вооруженных, которые, по первому знаку власти, готовы утопить в крови всякие по-настоящему активные проявления недовольства общественного мнения, как это они уже и сделали в Венгрии. Может ли быть автор уверен, что зачинщики проявлений студенческих протестов уже не арестованы и не отправлены в чекистские застенки и всякие изоляторы?

Нет, пока что опора советской власти еще слишком сильна, и надеяться, что она так легко сложит оружие и уступит свое привилегированное положение всяким «реформистам» из НТС и РНО в высшей степени наивно. Только мощный удар извне, сопровождаемый военным поражением советских вооруженных сил может вызвать массовое восстание всех недовольных коммунистическим режимом и массовую сдачу рядовых — некоммунистических — частей Красной армии. Одним словом, нужно повторение 1941

года с тем только условием, что войска Свободного Мира пойдут честно освобождать Русский народ от коммунизма, а не делить Россию и насаждать в ней «реставрацию нетленных ценностей Февраля» и всяких украинских и белорусских Рад и «президентов». Нам скажут, что в данный момент такая перспектива не реальна, что этот самый Свободный Мир войны не хочет и все еще надеется как-то наладить мирное сосуществование с Кремлем. Увы, в данный момент это так. Но значит ли это, что так будет и завтра? Не сложится ли международная обстановка в один прекрасный день так, что правители Свободного Мира, наконец, поймут, что без вооруженной ликвидации Кремлевского очага мировой заразы не может быть ни прочного мира на всем земном шаре, ни даже возможности спокойно и хорошо зарабатывать? Не «влипнут» ли большевики в какую-нибудь столь рискованную авантюру международного масштаба, что война вспыхнет сама собою?

А потому наш долг, долг честных русских патриотов, неустанно внушать иностранному общественному мнению, что только превентивная война спасет мир и их собственных детей и их собственные капиталы. Что Кремль, как огня боится войны, ибо он несомненно блефирует своими атомными и водородными бомбами, в надежде оттянуть неизбежную развязку. Что лучше понести хотя бы и сильные кровавые потери сейчас, чем потерять в сто раз больше через несколько лет и уже с риском проиграть и войну... Но что гадая подлинно освободительная война даст быстрый успех и несомненную победу Свободному Миру только при проявлении искренности с его стороны в отношении Русского Народа, а первым и главным доказательством этой искренности должно быть формирование Русской Освободительной Армии, если не теперь, то в самые же первые дни войны.

Внушать же иностранному общественному мнению, что студенческие беспорядки в нескольких университетах СССР знаменуют собою начало «новой революции» и что, следовательно, Русский народ сам свергнет ненавистную ему власть, это — лить воду на мельницу большевиков, ибо без превентивной войны они будут держаться у власти еще долгие годы, в течение которых в тюрьмах и концлагерях СССР погибнут еще многие и многие миллионы наших братьев и сестер. Печать НТС и ЦОПЭ не раз рассказывала нам о массовых восстаниях в концлагерях. Эти восстания были задавлены с беспощадной жестокостью. Но не был ли бы другим их исход, если бы восставшим были сброшены на парашютах тонны вооружения до танков включительно, тонны продовольствия и боеприпасов и тысячи белых добровольцев? А что будет, если именно это будет сделано одновременно с мощным ударом извне? Вот единственный путь спасения и России, и всего мира! Все остальное — самообман в лучшем случае, и искусная и преступная с русской точки зрения дезинформация — в худшем. Увы, даже серьезные русские журналы поддаются и этому обману и этой дезинформации!

Удивительно, как у наших февралистов прилипает язык к гортани, когда им приходится касаться вопроса о политических убеждениях таких великих и подлинно русских людей, как Пушкин, Гоголь, Достоевский, Лесков, Шмелев... Они охотно отмечают на страницах своей печати юбилей этих светочей русской национальной мысли, они подробно останавливаются на их литературных заслугах, но они никогда не говорят своей аудитории, что эти великаны Русского духа были монархистами и почему они были монархистами. Для нас, конечно, ясно, почему. Ибо всякий неискушенный в политическом иезуитстве русский человек и, в особенности, молодой русский эмигрант, еще не подвергнувшийся «обработке» всяких г.г. Поремских и Арнольдов, не преминет сказать: «Но ведь если эти люди, так глубоко проникнутые русскими национальными началами, так знавшие дух своего народа, его идеалы и его не только духовные, но и практические устремления, были сто-

ронниками Самодержавной Царской Власти, значит они видели в ней наиболее органически свойственную нашему народу форму власти! А раз так, то, значит, и я должен быть монархистом, если я только отдал себе отчет в этом самом «почему» так, как в свое время это поняли и мои великие духовные предки!» Понятно, что для поклонников Февраля не остается ничего иного, как о таких фактах умалчивать или как-нибудь их камуфлировать. И вот мы видим, как, например, на вечере памяти Пушкина в Мюнхене, по сообщению № 11 «Нашего Общего Дела», один из крупнейших наших февралистов, проф. Степун «уделил много времени Пушкину, как глубокому политику с ярко выраженными взглядами и стремлениями и охарактеризовал Пушкина, как «либерального консерватора», любящего свободу и ненавидящего холодный и пустой мир аристократической черни». У этого уважаемого профессора не повернулся язык, чтобы сказать прямо и честно, что Пушкин был убежденнейшим монархистом, что он не был льстецом, слагая свободную хвалу своему Царю, что этого Царя он ставил именно как Царя на недосыгаемо высокий пьедестал, что он не мыслил уничтожения крепостного права иначе, как «по манию Царя» и что он был ярким противником всяких насильственных гос. переворотов и бессмысленных и беспощадных бунтов. Сказать это у г. Степуна гражданского мужества, конечно, не хватило, ибо это означало бы осуждение «Великого Февраля» и его жалких творцов, а это могло бы вызвать простодушный и искренний вопрос кого-либо из политически еще неспорченной молодежи: «Если, будучи монархистом, Пушкин в то же время, как вы, г. профессор, говорите, был глубоким политиком с ярко выраженными взглядами и стремлениями, то не обязаны ли мы идти идейно по его следам и подумать о необходимости восстановления в освобожденной России той власти, которую Пушкин и многие другие великие русские люди считали для нашего народа наилучшей в смысле ее соответствия с народными идеями и интересами?» Увы, на такой вопрос г. Степун дал бы ответ в духе тех иезуитских и фальшивых рассуждений, которые дал мне Г. Климов в ответ на мое ему открытое письмо, содержание которого он даже утаил от своих единомышленников, точнее, от рядовых членов ЦОПЭ.

После восстановления исторической истины относительно личности и деяний благороднейшего Российского Императора Павла Первого, которое, идя по следам уже немало числа защитников памяти этого Царя, предпринял и автор настоящего обзора в уже находящейся в печати книге, нашей очередной задачей должно быть такое же восстановление правды, искаженной нашим, так называемым, «освободительным движением», о личности и царствовании Царя-Рыцаря, Императора Николая Первого.

Позволю себе высказать пожелание, чтобы тот, кто возьмет на себя эту благородную задачу, привел в своем трудении из статьи М. Л. Гофмана «Драма Пушкина» в 62-й тетради «Возрождения»:

«14/26 декабря 1825 года юный Император Николай I — ему не было еще тридцати лет — вступил на престол».

«Прекрасный человек, большой, изысканный, породистый, со строгим лицом, которое почти никогда не улыбалось, он завоевывал симпатию своих подданных своей прямоотой, своей доблестью, своим великодушием, своей рыцарской неустрашимостью, своим физическим сходством со своим предком, Великим Петром, своей безграничной любовью к Родине, которую он ставил на первое место, выше всех привязанностей и своих интересов».

«Романовское очарование», которое досталось в удел всем русским монархам XIX века, начиная от Александра I до Николая II, дополнял портрет любимого Царя, под скипетром которого вся Россия узнала новое величие и была признана великой державой всеми европейскими государствами».

«Личность Николая I была простая и состояла из одного куска (моноклассная). Его духовный мир был не более сложный; у него был ясный и здоровый ум и железная воля. Кроме того, он требовал строгого исполнения долга, понимаемого как в качестве военной дисциплины... «Его символ веры заключался для него в трех словах —

Анатолий Михайловский

Слона то и не заметили!

Ответ М. Е. Вейнбауму

На страницах «Нового Русского Слова» (25.5.57) М. Е. Вейнбаум всей тяжестью своего авторитета обрушился на мою статью «Удар в спину эмиграции», направленную против подоплеки «Гаагского конгресса».

Оставить выступление М. Е. Вейнбаума без ответа я не могу. И дело не в том, что редактор «НРС» не поспешил на мало лестные эпитеты по моему адресу. Нет, порочна исходная принципиальная позиция М. Е. Вейнбаума, — порочна нравственно и губительна политически, поскольку речь идет о борьбе с коммунизмом.

Статья моя вызвала у него «недоумение и возмущение»: «до того в ней все преувеличено и неверно истолковано». И М. Е. Вейнбаум весьма категорически выносит приговор: «Никакого удара в спину эмиграции нанесено не было. Никакого фронта врагу никто не открыл. Никакой попытки «убить идею и пафос непримиримости» я в данном случае не вижу и желание одним росчерком пера зачислить «во вражеский лагерь» большое число эмигрантских деятелей иначе как возмутительным не могу назвать».

Не слишком ли поспешен М. Е. Вейнбаум в своих выводах? Как-раз желания зачислить кого бы то ни было «во вражеский лагерь» у меня не было и нет. Напротив, все мои выступления против тенденции «Гаагского конгресса» стереть основную — духовную — грань между антикоммунистической эмиграцией и коммунистической системой продиктованы в первую очередь стремлением предотвратить опасность, грозящую части русского зарубежья, — оказаться (быть может, даже помимо своей воли) во вражеском лагере.

Никакой попытки со стороны организаторов «Гаагского конгресса» убить идею и пафос непримиримости к коммунизму М. Е. Вейнбаум не видит. Но если кто-то чего-нибудь не видит — по слепоте ли, по близорукости или чрезмерной дальновидности, либо просто из-за нежелания видеть, — то это никак не дает ему права утверждать, что «не видимого» им вообще нет. То, что в «Гаагском конгрессе» увидел я, что видят в нем очень многие — ответственные и добросовестные — представители российской политической эмиграции и, наконец, огромное большинство всей массы русского зарубежья, — а именно: отказ от идеи и принципа непримиримости, — это и есть тот «удар в спину эмиграции», о котором я позволил себе сказать во всеулышание.

В своей критике моей статьи М. Е. Вейнбаум умалчивает о самом главном. Все выступление мое логически вытекает из трех основных предпосылок:

- 1) из нравственного осуждения самого существа коммунистической диктатуры,
- 2) из пламенного негодования советской человеческой против убийства этой диктатурой венгерского народа, —

Бог, Родина, Царь. Последний должен был быть самодержавным монархом, наделенным безграничной властью, больше отцом Родины, чем ее слугой (с Иоанна Грозного в России не существовало более убежденного воспевателя самодержавия, чем Николай I).

Приятно отметить, что мы не остались одиночками в разоблачении фальшивки «Русской Мысли», которая устами некоего г. Юкшинского попыталась нам внушить, что соваться в Россию с монархической пропагандой, это значит вредить самому делу Монархии, ибо там с нею связано представление о крепостном праве, о капиталистах и т. п., а потому там о восстановлении Монархии никто и не помышляет. Две статьи в майской тетради «Возрождения» также дали должную отповедь этому «печальнику» о деле монархической пропаганды. Его статью просто назвали «крапленой картой» и выразили убеждение, что «советские власти выгодно помешение в эмигрантской газете именно тех мыслей, которые изложил г. Юкшинский», а потому его статья «есть вода на мельницу советской власти».

убийства, совершаемого на глазах всего культурного человечества, и

3) из факта предания анафеме Святейшим Патриархом Тихоном, как коммунистов, так и всех добровольно общающихся с ними (напомню, что на ту же позицию, хотя и значительно позже, встал и Римский папа, как глава Католической Церкви).

Если внесение нравственного начала в оценку политических явлений и действий вызывает у М. Е. Вейнбаума «недоумение и возмущение», то нет ничего удивительного, что и в «Гаагском конгрессе» он не видит — или не хочет видеть — всей глубоко безнравственной стороны соглашения с коммунистическим режимом, на которое упорно продолжают толкать российскую антикоммунистическую эмиграцию организаторы «конгресса».

Между тем, достаточно привести всего одно только из формулированных в Гааге «народных требований», чтобы явственно увидеть и удар в спину эмиграции, и прорыв фронта антикоммунистической борьбы, и попытку убить идею и пафос непримиримости к коммунизму. Это — пункт 124-й «народных требований настоящего этапа» (то есть после венгерской трагедии!). Он гласит:

«Право граждан на наблюдение за деятельностью советской делегации в ООН, обеспечиваемое систематически и не подвергающимся цензурным искажениям радиопередачами заседаний ООН».

Я не сомневаюсь в том, что если М. Е. Вейнбаум внимательно читается в подобное «народное требование», то эпитет «возмутительный» ему придется применить не к моему выступлению, а к политическому словоблудию «Гаагского конгресса». Ибо пункт 124-й — лишь один из многих примеров бессовестности гаагских решений.

М. Е. Вейнбаум мягко называет все это «ошибками» и «глупостями»: «Ошибка организаторов наделала немало и глупостей, пожалуй, не меньше». Один из участников и ярых апологетов «конгресса», Г. В. Дмитренко, тоже признает, что принятые в Гааге резолюции «производят, действительно, довольно странное и сумбурное впечатление»; что они — «беспорядочное нагромождение требований».

Это не помешало, однако, РНО передавать по радио на ту сторону «странное», «сумбурное» и «беспорядочное нагромождение требований» восьмью десятками — в среднем, пятидесятилетних шалунов-мальчугов, натворивших, по словам М. Е. Вейнбаума, немало ошибок и не меньше глупостей! И хотя все эти ошибки и глупости явно дискредитируют — политически и морально — российское зарубежье и перед родным народом и в глазах иностранного мира, редактор «НРС» категорически заявляет: «Никакого удара в спину эмиграции нанесено не было».

Присутствие официального представителя советского агентства ТАСС на пресс-конференции «Гаагского конгресса»

И чрезвычайно полезно именно для правильной постановки предпосылок о пользе монархической пропаганды уже сейчас в подсоветских массах отметить следующие слова Н. В. Станюковича в той же тетради «Возрождения»:

«Читатели «Возрождения» помнят интересную статью в 53-й тетради — исповедь Н. Талоненко — «Сушая правда». Он говорит в ней о произведенной во время немецкой оккупации, в 1943 году, несколькими лицами, при том неведомо друг для друга, анкете о «подспудных» настроениях русского населения. Охватывая различные области, анкета эта показала чаяния, как раз обратные обнаруженным г. Юкшинским: крестьянство повсеместно высказывалось за монархию, пожилые рабочие тоже, рабочая молодежь была настроена республикански, «Но, — говорили они, — если бы был сейчас Царь и дал бы манифест специально для нас, рабочих, с точно указанными нашими правами, манифест, гарантирующий нас от произвола, эксплуатации, безработицы, — мы, конечно, поверили бы ему. Мы знаем, что лично сам Царь нас не обманул бы и нас в общину не дал бы. Мы ему поверим».

«Что советская интеллигенция меч-

та» М. Е. Вейнбаум склонен считать тоже «глупостью» со стороны организаторов — не больше! К этому он добавляет:

«Если, однако, корреспондент ТАСС пришел на пресс-конференцию по собственному почину, то ничего плохого в том, что с ним говорили, не вижу. Возможно, что он явился туда с поручением написать в «Правду» или «Известия» очередной пасквиль, но возможно также, что его потянуло к зарубежному русским, захотелось встретиться и поговорить с ними» (?)...

Возможно, конечно, многое. Лично я в душе т. Привалова читать не берусь. Но вот одно совершенно невозможно. Невозможно, чтобы официальный представитель ТАСС появился на пресс-конференции «Гаагского конгресса» без ведома и разрешения своего высшего начальства. Опять-таки возможно, что и т. Привалов и его начальство знали, что гаагский дух соглашения не позволит организаторам «конгресса» попросить высокого гостя покинуть пресс-конференцию. Но абсолютно невозможно было, оставаясь на позициях принципиальной непримиримости к коммунизму, терпеть присутствие коммуниста-аппаратчика в зале. И то, что участники «конгресса» в течение почти пяти часов беседовали (о чем?) не с частным лицом, Приваловым, а с официальным представителем коммунистической диктатуры и советского режима, — этот факт иначе, как предательством и прорывом фронта антикоммунистической борьбы назвать нельзя.

М. Е. Вейнбаум выдвигает против меня аргумент, что он, Вейнбаум, принимает коммунистов у себя в редакции; что если бы он «отказался принимать советских людей», то некоторым из них вряд ли удалось бы порвать с советской властью и перейти в ряды невозвращенцев». Но разве речь идет об общении с «советскими людьми»? Речь идет о контактах с коммунистическим режимом. Поясню это примером из другой, хотя принципиально и однородной, области. Известный случай, когда — скажем еще в 1938 году — еврей лично общались с некоторыми, немногими нацистами, как человек с человеком. Но можно ли себе представить, чтобы на пресс-конференции съезда еврейских ученых, писателей и журналистов в Лондоне, Париже или Нью-Йорке явился официальный корреспондент газеты «Фелькшгер Беобахтер» или нацистского телеграфного агентства ДНБ и чтобы участники съезда с ним дружески беседовали?

Александра Воронцова

— ЗАПИСКИ ПЕРЕВОДЧИЦЫ —

ХУДОЖНИК Ф. П. РЕШЕТНИКОВ
И СКУЛЬПТОР С. М. ОРЛОВ

Среди туристов, проявлявших наибольший интерес не к современным политическим проблемам, а к художественным памятникам Италии, мне остались памятные симпатичные деятели русского искусства: Ф. П. Решетников и С. М. Орлов. Не буду передавать читателям их вопросов, показывающих глубокое понимание ими искусства Ита-

лии в древности и в новое время, и живую их любознательность, порою, ставившую меня в тупик, когда гид не находил ответа на тот или иной вопрос; лучше расскажу то, что они сообщили мне о себе, своем творчестве и о состоянии искусства на нашей родине.

Федор Павлович Решетников родился в 1906 году и еще студентом Академии Художеств в Ленинграде принял участие в двух полярных экспедициях на ледоколах: «Сибиряков» в 1932 году и «Челюскин» в 1933 году. Как известно, вторая экспедиция закончилась дрейфом застрявшего во льдах ледокола и Федор Павлович мне красочно, хоть и кратко, описал переживания «челюскинцев», настроение которых он старался поддержать выпуском иллюстрированной им стенгазеты. Участие его в этой эпопее обеспечило его карьеру, картины его, посвященные пребыванию в полярных льдах, имели большой успех и фигурировали на всех столичных выставках. Но в те годы Решетников оставался беспартийным.

«Затем началась война, — продолжал он свой рассказ, — и полярные пейзажи и мои любимые картины с вечными льдами и северным сиянием перестали привлекать внимание советских зрителей. Я не баталнист и не гожусь в современные Верещагины, которые тогда потребовались. Но все же фигуры героев «Челюскина» у меня выходили хорошо, и я понял, что могу стать портретистом. В 1949 году я получил сталинскую премию за огромный портрет во весь рост товарища Сталина в форме генералиссимуса. Думаю, что сюжет помог мне (скромно и с чуть заметной горечью заметил Федор Павлович), ибо мне самому больше нравились мои пережи-

Н. Потоцкий

Между нами, российскими эмигрантами-антикоммунистами, и коммунистической диктатурой — не столкик ресторана и не письменный стол, а непроходимый ров, наполненный кровью человеческого, кровью миллионов и миллионов жертв коммунизма. Об этом забыл «Гаагский конгресс», как забыл он хотя бы одним словом вспомнить о льющейся на наших глазах крови венгерского народа...

Об одном, однако, организаторы «Гаагского конгресса» не забыли — пригласить официальным и полномочным делегатом некоего русского журналиста из Загреба, Е. А. «Андреевича»! На, яко бы, антикоммунистический «конгресс» прибыл из коммунистической Югославии, с ведома и разрешения соответствующих органов государственной безопасности, сей прозрачный псевдоним!

И пока организаторы и участники «Гаагского конгресса» не дадут зарубежной общечеловеческой недвусмысленной и совершенно исчерпывающей объяснения по этому поводу, остаются в силе не «голословные обвинения», как утверждают г. Л. Пар и иже с ним, а вполне обоснованные подозрения, что между

а) соглашательскими «народными требованиями» (§ 124 I),

б) джентльменом из ТАСС и в) делегатом-титовцем из коммунистической Югославии — существует весьма определенная причинная связь, и что тенденция реформизма и сменеховства, обнаружившаяся в Гааге, только «цветочки», а «ягодки — еще впереди»...

М. Е. Вейнбаум считает, что в моей статье «все преувеличено и неверно истолковано». Я был бы искренне рад, если бы редактор «НРС» оказался прав, а все мои опасения и тревоги оказались преувеличенными и мною неверно толкуемыми. Но М. Е. Вейнбаум снова забывает одно обстоятельство: я был сам в составе Организационного Комитета по созыву «конгресса» и вышел из него, когда увидел, куда толкают российскую эмиграцию. Однако, мне и в голову не приходило, что истинные вдохновители «конгресса» зайдут так далеко, чтобы посадить эмигрантов-антикоммунистов за один стол с представителями аппарата коммунистической диктатуры. Увидев же, что враг уже среди нас, я не смел и не смею молчать об этом, как бы это ни казалось «возмутительным» М. Е. Вейнбауму.

Анатолий Михайловский
г. Мюнхен.

Г. Месняев

„Борьба должна быть закончена“

В Мюнхене есть "Институт по изучению СССР". На содержание его тратят ся, конечно, немалые деньги; им издаются сомнительной ценности научные труды, вроде: "Профессионализм в советском спорте", "Сырьевая база сахарной промышленности" и т. д. Однако, для того, чтобы узнать, что представляет собою советская жизнь во вне и по своей сущности, вовсе не надо изучать труды названного Института: кроме скуки они ничего вам не дадут. Лучше внимательно прочитайте роман В. Дудинцева "Не хлебом единым" и тогда картина советского быта предстанет перед вами во всех своих удручающих подробностях. Вы узнаете из этого романа то, например, что и через сорок лет после революции русский рабочий живет в примитивных землянках (трое взрослых и пятеро детей в двух крошечных комнатках, с низкими потолками); питается преимущественно картошкой, сдобренной одной серой солью; курит махорочные самокрутки, свернутые из толстой и грубой газетной бумаги. Это — в провинции. А в Москве — коммунальные квартиры, на дверях которых прикреплено без малого десяток кнопок для звонков: "Звонить только Пастуховым", "Синицкому", "Только Завише и Тымянскому", "Багридзе" и т. д. Вот герой романа Лопаткин идет по одному из московских переулков. "Старопоклонный, — подумал он. — Старина! Наверное, здесь есть где-нибудь церковь! И тут же увидел ее — маленькую московскую старушку. Из трещин между обнаженными кирпичами лезли кривые деревя с коричневыми, сухими листьями. Железо с маленьких куполов было сорвано, в ржавых клетках стропил перелетывали голуби".

Эти картины разорения, убожества и неприкрытой нищеты современного советского быта — заслонены парадным фасадом советской империи, который должен скрыть от посторонних глаз то, что им не полагается видеть и который должен подтверждать мнимое благополучие, преуспеяние и мощь этой империи. Для этого существуют подробно описанные в романе: генеральские лампасы, погоны инженеров, зеленые канты форменного пиджака прокурора; автомобили "Победа"; монументальные и роскошные здания министерств, с показным великолепием их приемных и

кабинетов, и многое другое: лживое и безвкусное.

Однако, не в этом контрасте мнимого благополучия и нищеты заключается ужасающая порочность советской жизни. "Бедность не порок", "И через золото — слезы льются" — говорят нам русские пословицы, суммируя взгляд русского человека на материальную сторону жизни. Эта сторона никогда не играла первенствующей роли в сознании русского народа. На протяжении почти всей своей истории он пребывал, по преимуществу, в большой скудости и в вечных нехватках. И, несмотря на это, он жил внутренне богатой и полнокровной жизнью, отраженной в красоте православных храмов, в красочности народных обрядов и обычаев, в задушевности пленительной русской песни и в тонком изяществе народного искусства.

Порочность же эта заключается в том, что в современной русской жизни сознательно и преднамеренно убивается та жизненная романтика, которая придает жизни привлекательность, а людским отношениям оттенок благородства, тепла и нежности, и освещает даже материально скудную человеческую жизнь отблеском истинной поэзии. Последняя из советской жизни начисто изгнана. Дроздов, — персонаж романа В. Дудинцева, — олицетворяющий ту тупую, мрачную и страшную силу, которая довлеет сейчас над Россией, так говорит об этом: "...все, что ты говоришь — это девятнадцатый век. Изящная словесность. Должен тебе сказать, что я ничего этого не понимаю и не жалею об этом" (курсив мой, Г. М.).

Дроздовы, т. е. те люди, которые держат в своих руках русский народ, навязывают ему свою темную психологию, свои низменные, пошлые вкусы, свои чисто утробные, чисто волчьи взгляды и устремления — сумели сделать современную русскую жизнь ужасной и, не столько внешне, в ее материальных проявлениях, сколько в области духа. Они всячески искореняют из русской жизни все возвышающее человека, все благородное и человеческое, внедряя в нее самые низкие инстинкты и побуждения, крайнее неуважение и пренебрежение к человеческой личности, презрение к понятиям о правде и справедливости, которые всегда были так дороги русскому сердцу. Роман Ду

тые и выстрадавшие мною картины, писанные на обоих ледоколах. Но часто портрет делает автора более значимым, чем пейзаж!"

Я не посмела напомнить автору, что среди советских художников ходила остроумная эпитафия на одного его старшего собрата:

"Наш бедный художник! Он пишет лишь рожи! Он знает: за рожи ведь платят дороже!"

Далее собеседник сообщил мне, что в 1951 году он получил вторую премию Сталина за большую картину "Замир!", а в 1953 году стал членом Академии Художеств. Лишь впоследствии я узнала, что после советской победы, поддержанной западными союзниками, он в 1946 году стал коммунистом в 40-летнем возрасте. Мне кажется, что в молодости он в своих полярных путешествиях искал возможных путей для свободного творчества вне партийного заказа и в годы войны думал, что она даст народу свободу, которая откроет новые возможности для художника, одаренного Богом: но помощь западных держав Сталину в сохранении режима гнета коммунизма над нашим народом убедила его в том, что для художника нет выхода из ярма партийного заказа и он вступил в партию, чем заработал себе то привилегированное положение, которое дают вместе с партийным билетом две сталинские премии и звание академика. Одним из плодов этого его поведения явилась возможность воочию увидеть и оценить западное искусство, которым он искренне восхищался, и подышать воздухом тех стран, где от художника не требуют партийных и его кисть не должна изображать в молодежавшем виде полководца дряхлеющего диктатора поработанной страны!

Федор Павлович познакомил меня с другим туристом, не входившим в состав моей группы, — с беспартийным

знаменитым скульптором Сергеем Михайловичем Орловым, который произвел на меня сильное впечатление.

Мой разговор с этим 45-летним академиком (родился он в 1912 году, на 6 лет моложе Решетникова, и совершенно не помнит прежней России) мне так запомнился, что по своим заметкам могу его воспроизвести почти точно:

— Меня очень интересует не только русская литература, которую я изучала, но и русское искусство. О прежнем русском искусстве я знаю хоть немного из курса русской истории, но совершенно ничего не знаю о советской скульптуре, поэтому я обрадовалась случаю с вами поговорить. Знаю от Федора Павловича, что вы академик и думаю, что академики у вас не избегают молодежи, которая на Западе проявляет такой живой интерес к вашей стране.

— Очень охотно побеседую с вами, если искусство наше вас интересует не меньше истории и литературы. Рассказать вам о разных школах искусства?

— Нет, Сергей Михайлович, в краткой беседе нельзя выучить историю вашей скульптуры, хотя бы современной. Лучше расскажите мне о своих работах!

— Ну, хорошо! Расскажу о себе и о своей очень редкой специальности.

Три года назад Академия Художеств СССР удостоила меня избранием в свои действительные члены, когда мне было всего 42 года, и я, пожалуй, самый молодой из академиков. Я смолodu начал работать на фарфоровом заводе. Вы, верно, не знаете, что еще до революции в Петербурге был знаменитый Фарфоровый завод на Неве, немногo вверх по течению от нашей столицы. Его тогда называли "Императорским" и его произведения украшали Царские дворцы и разные музеи. Наш русский фарфор уже тогда был известен во всем мире и везде знали об ис-

15 июля сего года скончался в Буэнос Айресе Полковник Императорской Армии Доктор МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ КОСТЕВИЧ о чем с глубокой скорбью сообщают сын покойного Михаил и друзья Погребение состоялось 16 сего июля на Английском кладбище в Буэнос Айресе.

дидцева дает нам в этом отношении множество самых удручающих свидетельств.

Вот, например, советская школа. "Вот вы, Надежда Сергеевна, поставили мне двойку за подсказки. А Сяновой все время подсказывали. Кто? Вот и скажу — Ларисова подсказывала. Слаутин, Вяльцев", — говорит учительнице дочь крупного партийца, и в глазах ее "засветилась удовлетворенная месть".

В старой русской школе такой случай был невозможен. Чувство товарищества никогда не позволяло русским детям прошлых времен так цинично жаловаться и доносить на своих товарищей. Теперь, видимо, стало иначе, и другие понятия внедрены в детские души советской моралью.

В больницу привозят готовую родить жену директора завода, человека, олицетворяющего в маленьком местечке советскую власть. Палата, где должна лежать она, немедленно освобождается от других, так сказать, второсортных рожениц.

"Высокий мужчина в белом халате и белой шапочке быстро прошел мимо нее, остановил женщину в халате, шепнул: "До сих пор не освободили? Сейчас же!" "Полежит со всеми", громко сказала женщина". "Вы что, распоряжение не знаете" — испуганно и резко зашептал мужчина, схватил ее за рукав и втащил в ближайшую палату".

"Уравниловка — вещь вредная", — внушает своей жене Дроздов, объясняя ей, почему она должна была лежать в отдельной палате.

В романе В. Дудинцева нет ничего, чтобы нас удивляло, что не было бы нам знакомо. Все то, о чем пишет В. Дудинцев — самые обычные вещи, самые обычные советские будни. И, вместе с тем от этого обычного и будничного веет каким-то тюремным затхлым и спертым воздухом, непроходимой тоской безнадежной и безрадостной жизни, исподволь сложившейся в России под непрестанным гнетом примитивного, убогого, пошлого мышления

людей, которые по страшному капризу судьбы там воцарились.

Они, эти люди, внесли в русскую жизнь то концентрированное хамство, которое определяет весь стиль современной жизни и которое, проникая во все ее поры, придает этой жизни нечто отталкивающее и непереносимое. Основная ценность романа В. Дудинцева и заключается именно в том, что в нем, с редкой убедительностью, показаны, с одной стороны, весь ужас диктатуры хамов над Россией, а с другой стороны, — молчаливый, но все нарастающий в недрах русского народа протест против этого всепожирающего, всеразрушающего и растлевающего хамства.

Именно поэтому, этот роман, не отличающийся какими-нибудь выдающимися литературными достоинствами и лишенный каких-либо оригинальных, свежих, и, тем более, смелых мыслей, получил такой большой резонанс как в самой России, так и за границей.

О силе такого резонанса можно судить по той речи, которую произнес при обсуждении в "Доме Писателей" романа В. Дудинцева, старый романтик, человек сохранивший в душе отблеск прошлого, писатель К. Паустовский. Речь эта — безусловно событие многозначное, свидетельствующее о том, насколько тягостно и даже уже невыносимо сделалось для наиболее чутких и совестливых современных русских людей мертвящее влияние Дроздовых.

"Его (Дудинцева) роман, — говорит К. Паустовский, — есть первая битва против "Дроздовых", с которыми наша литература должна драться до их полного уничтожения в нашей стране".

К. Паустовский не жалеет самых едких, самых язвительных и уничтожающих эпитетов для тех, кого он называет "Дроздовыми". "Они — циники и мрачные обскуранты"; это "хищники, подхалимы, дельцы и предатели, считающие себя вправе говорить от имени народа, который они презирают и ненавидят"; "в них воспитаны самые низкие инстинкты. Их оружием является

жизниками, которые побеждают немецких рыцарей.

После войны за свою новую скульптуру "Мать" я получил Сталинскую премию и был выбран в 1946 году членом-корреспондентом Академии Наук. Семь лет спустя меня выбрали академиком, когда на конкурсе прошел мой проект памятника князю Юрию Долгорукому, который потом, в 1954 году, воздвигли в Москве по случаю 800-летия нашей столицы.

— Я видела в "Огоньке" снимок этого памятника и могу вам сказать, что ваше произведение привело в восторг не только ваших земляков-эмигрантов, но и строгих итальянских художников, которым далек этот князь Рюрикович!

— Приятно слышать, что мою работу ценят и иностранцы. Я сам думал, что всем русским, независимо от их убеждений и местожительства, дорога слабая фигура древнего основателя этой нашей исторической столицы, пережившей за 800 лет столько политических бурь и даже военных разрушений от татар и поляков. Иностранцы критики всегда более строгие судьи!

— Мне очень интересно, что вы знаменитый и молодой академик, выросший в советскую эпоху, создали два прекрасных памятника древним русским князьям, из которых один стал русским святым Православной Церкви, а не каким-нибудь советским вождям или партизанам типа Зои Космодемьянской или Краснодарских комсомольцев!

— Видимо, меня более вдохновляют образы далекого прошлого, чем образы героев недавних событий. В этом — одна положительная сторона: герои моих памятников, как и моих работ по фарфору, имеют свою прочную и никем неоспариваемую репутацию. Поэтому памятники им будут стоять вечно на площадях Москвы, а недавно умершие герои, которым торопятся скоро после смерти ставить памятники, по том подвергаются переоценке, которая

— Но я слышала, что вы — автор знаменитых в России памятников?

— Вот об этом хочу теперь вам рассказать: в 1942 году меня пригласили участвовать в конкурсе на памятник Александру Невскому. Мою композицию нашли самой удачной и по ней мне заказали памятник — группу, изображающую Александра Невского с его дру-

предательство, клевета, моральное убийство и просто убийство"...

По совершенно понятным мотивам, К. Паустовский старается ограничить круг "Дроздовых" только теми бюрократическими верхами современного советского общества, которые занимают господствующие позиции в русской жизни, которые дают ей тон и вносят в нее все убожество своего мышления, своего утробного мироощущения и всю неизмеримую пошлость своих вкусов.

"Дроздовы", как старается показать К. Паустовский, — это та советская знать: "заместители министров, крупные чиновники и плановики", с которой вместе, на пароходе "Победа", летом 1956 года, писатель совершил путешествие в Европу. Эти люди, по свидетельству К. Паустовского, "были невыносимы, вследствие своей наглости и совершенного равнодушия ко всем и асему. Помимо того они поражали своим невероятным невежеством".

В Сикстинской капелле перед знаменитым произведением Микель-Анджело "Страшный Суд", один из них спрашивал руководителя экскурсии: "Что там нарисовано? Суд над Муссолини?" Другой, глядя на Акрополь, изрек "как мог пролетариат допустить постройку Акрополя?" Такие перлы невероятного невежества, соединенного с несокрушимым апломбом, самодовольством и чувством своего превосходства буквально над всеми, К. Паустовский, из тактических соображений, приписывает какой-то особой, новой, касте, "хищников и собственников, не имеющих ничего общего ни с революцией, ни с нашим режимом, ни с социализмом".

Надо только пожалеть несчастного русского писателя, вынужденного говорить нечто подобное, когда и для него и буквально для всех совершенно ясно, что "дроздовы" являются плотью от плоти, и кровью от крови и революции, и рожденного ею режима, и социализма.

Именно в социалистическом подполье старых времен родились циничные и беспринципные партийные карьеристы, друг друга ненавидевшие и друг друга поживавшие, которые внедрили в Россию ужаснейший советский режим и то презрение, неуважение и вражду к культуре, пренебрежение к человеку и к его интересам, которые отличают всех без исключения советских "деятелей", будь это Ленин, Сталин, Хрущев, Булганин или рядовой чекист, советский хозяйственник, заместитель министра или плановик. Революционная волна подняла на свой гребень всю эту нечисть, которая с самого начала своего владычества над несчастной русской страной, повела злобную борьбу со всем тем, что было дорого рус. сердцу: с религией, патриотизмом, национальными традициями и обычаями, и даже со внешним обликом подлинной России. Это они, в своей ненависти к красоте русского духа, разрушали многовековые православные соборы, монастыри и памятники русской старины; это они называли древние русские города (Вятку, Нижний, Тверь, Самару и др.) — именами своих сотоварищей; это они иступленно лгали на великих русских людей: царей, императоров, патриар-

хов, полководцев; это они внедряли в русскую жизнь убогую и дешевую советскую эстетику и образцы своего примитивного художественного вкуса, вроде "высотных" зданий, искажающих старый облик Москвы, вроде аляповатых украшений московского "метро", и монументов своих вождей.

Всем совершенно ясно, что "дроздовы", которых так ярко изобразил в своем романе В. Дудинцев и которых так страстно заклеймил в своей речи К. Паустовский, — это именно то, что известно всему миру под именем советской власти.

Конечно о них, высших представителях этой власти и об их подручных думал К. Паустовский, когда говорил с глубокой горечью и скорбью: "Совершенно сознательно, из подхалимства, а, быть может, просто, по глупости, был нанесен огромный вред народному хозяйству. Разоряют страну — без всякой причины, по глупости, по недомыслию. Нет больше рыбы в Азовском море, рыбные запасы в Черном море почти полностью исчерпаны... целые полосы лесных насаждений уничтожены. Воды отравлены. "Дроздовым" на это наплевать, они хотят выполнить план, а потому и уничтожают леса".

Еще Ленин сказал как-то о том, что ему наплевать на Россию. И, вот, следуя заветам своего вождя, вся эта бесовская свора прожженных рвачей, неведь и самоупоенных бездарностей, составляющих советское правительство и коммунистическую партию, в дикой злобе, с радостью дикарей, ворвавшись в храм, оплевали в несчастной России буквально все, начиная с имени Бога, с русской истории, и кончая старым бытом самых простых, скромных русских людей. Даже русская природа, с несказанной прелестью ее морей, рек и лесов, оказалась бессмысленно загаженной, искаженной и заплеванной.

"Их власть ложится тяжелым бременем на страну. И все это делается под покровом живых речей о народном счастье! В их устах эти речи являются кощунством, преступлением! Эти люди смеют отнимать у страны ее людские и материальные богатства, и это только из-за своих личных узких интересов". Так, в самом искреннем и неподдельном гневе восклицает К. Паустовский. Пожалуй, никогда раньше не слышали мы столь смелых и откровенных слов, идущих с той стороны баррикады. Нужды нет, что слова эти, обращены, якобы, не к главным, а лишь ко второстепенным виновникам российских бед и российского горя. Кто является главным, а кто второстепенным виновником — это и не так важно, ибо и те и другие связаны круговой порукой, связаны общими преступлениями, общей невинной кровью бесчисленного числа русских людей, ими погубленных.

"...Я верю, что народ выметет "Дроздов" и в самом ближайшем будущем. Эту борьбу надо закончить", — говорит К. Паустовский, заканчивая свое знаменательное выступление.

Верим в это и мы. Борьба должна быть закончена и от этой борьбы никто из нас не вправе уклоняться!

Г. Месняев

РADIO NACIONAL
710 килоцикл.

РУССКИЙ ФОЛЬКЛОР
Романсы
27 июля с. г. в 17.30 час.

28 июля с. г. от 18 до 19 час.
Специальная передача посвященная ДНЮ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

НАША СТРАНА

В БУЭНОС-АЙРЕСЕ газета "НАША СТРАНА" и все КНИГИ Издательства "НАША СТРАНА" продаются:

в Книжном магазине Бр. Лашкевич, ул. Леандро Алем 1140;
в Книжке В. С. Вербичко при Храме Воскресения Христова (Вижа Пуэйрредон);
в Книжке Б. Н. Ряснянского при церкви на Облигадо 2130;
у газетчика на углу ул. Леандро Алем и Виамонте;
на Вижа Бажестер у инж. Василькино ти, при церкви на Ав. Альвар.

ALOCUCION DEL ARCIPRESTE JORGE ROMANOFF, TRANSMITIDA POR LA RADIO NACIONAL EN EL DIA DE TODOS LOS SANTOS RUSOS.

(Continuación)

Tal vez, precisamente por esa humildad cristiana recompensó Dios al pueblo ruso, al que fué dado crear un poderoso Estado. La fuerza de ese Estado consistió en la unidad de la fe del pueblo todo. Desde los príncipes y los zares y hasta el hombre más humilde, todos profesaban una misma fe; creían que durante la vida terrenal había que buscar "el reino de Dios en la tierra" y que el resto se daría por añadidura. Y precisamente en ese sentido fué aplicado a Rusia el epíteto de Santa.

Es cierto que en la historia de Rusia también comprobamos muchos pecados y caídas, pero en tales casos el pueblo ruso, compenetrado con el espíritu cristiano, recurría a la contribución, en conciencia de que las calamidades que le tocaba sufrir eran consecuencia de sus propios pecados. Recurría a la ayuda de sus numerosos santos y éstos conseguían siempre el perdón de los pecados; la vida popular y la del Estado surgía de nuevo.

Observando la vida actual del pueblo ruso, viendo que en el lugar del mapa que ocupaba antaño el Estado ruso figuran las cuatro letras satánicas U. R. S. S., iniciales del nombre de un poder que lucha contra Dios, no se debe confundir este actual gobierno con Rusia.

ФОНД ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ
В "Фонд Великого Князя Владимира Кирилловича" поступили следующие суммы:

Через Н. Погоцкого поступило: от Д. С. — 300 фр., от В. З. — 300 фр., от Н. П. — 300 фр., от В. М. — 300 фр.

Членами Парижского Отдела Народно-Монархического Движения внесено непосредственно в Фонд Великого Князя 17.000 фр. (обязательные ежемесячные взносы за апрель, май и июнь 1957 года).

Через представителя "Нашей Страны" в Парагвае в КАЗНУ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА КИРИЛЛОВИЧА ежемесячных взносов поступило:

1. А.Ф.Л. — май, июль и июль 300.-
2. А.Т.М. — май, июль и июль 300.-
3. С.И.А. — май, июль и июль 150.-
4. А.Н.Р. — май, июль и июль 150.-
5. П.Л.Ш. — апрель, май, июль и июль 200.-
6. № 399 и 426 — март, апрель, май и июль 200.-
7. П.А.П. — май, июль и июль 30.-
8. Б.Ф.Д. — февраль, март, апрель, май и июль 50.-
9. Н.П.К. — май и июль 20.-
Итого 1.400.— гуарани или 520.40 аргентинских песо.

Через Отдел Народно-Монархического Движения в г. Сан-Франциско, Калифорния, в Освободительный Фонд ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА.

1. Н. Забелин, Сан-Франциско — 5.-
2. Анна Верховская, С.Ф., за янв., фев., март и апр. — 4.-
3. З. В. де-Гутьяр, С.-Ф. — 6.-
4. А. А. Кур, Пало-Алто, за янв. и фев. — 4.-
5. К. С. Четверикова, С.-Ф., за янв., фев. и март — 1.50
6. И. Матисов, С.-Ф., — 10.-
7. И. К. Пчеляков, С.-Ф., за янв. и фев. — 2.-
8. Д. П. Штогрин, С.-Ф., за янв. и фев. — 3.-
9. Павел Бобоско, Пенсильвания — 10.-
10. М. Кингстон, Сан-Рафаэл, Кал., за янв., фев., март и апр. — 4.-
11. С. А. Касьянюк, С.-Ф. — 5.-
12. Ал. С. Касьянюк, С.-Ф. — 5.-
13. Нина Долинская, Бруклин, — 10.-
14. Дьякон Павел Грибановский, Монтерей, Кал., за янв., фев. и март — 3.-
15. Ал. Заушин, С.-Ф. — 2.-
16. Н. Н. Макаров, С.-Ф. — 2.-
17. С. Слатин, Лос-Анжелос — 2.-

Всего по листу № 3 месячных взносов 21.50 дол. и периодических взносов 57.— дол. Итого 78.50 американ. дол. отпавленных непосредственно в распоряжение Великого Князя Владимира Кирилловича чеком Америк. Экспр. Ко., за № 40-388,977

Взносы в "Фонд Великого Князя Владимира Кирилловича" принимаются редакцией "Нашей Страны" и всеми ее представителями на местах.

НАША СТРАНА

ОРГАН МОНАРХИЧЕСКОЙ МЫСЛИ
NUESTRO PAIS

Organo Monárquico Ruso

Casilla de Correo 2047
Buenos Aires
Argentina

ПРЕДСТАВИТЕЛИ
AMERICA DEL SUR:

Brasil: Leo Rubanov, Caixa postal 8406
Correio Central, Sao Paulo.

Chile: Sr. Nicolás Rogalev, Allende Pá-
din 2128 (por Beaucheff altura 1700).
Santiago de Chile.

Venezuela: Sr. K. Kellner, Av. Sarria 24,
Quinta Coromoto (Club Ruso), Ca-
racás.

Paraguay: Sr. A. F. Lapchinsky, M.P.
O. C. Dirección General de Vialidad,
Alberdi esq. Gral. Díaz. Asunción.
U. S. A.

Mrs. M. S. Kingstone, 11 Wolfe ave.
San Rafael, Calif. USA.

Mr. A. Klushkin, 196 — 6th Ave, Apt. E.
San Francisco 18, Calif.

Mr. M. Maltzoff, 1332 Lucille Ave, Los
Angeles 26, Calif.

The Russian National Book Store, 227 E
14th St. New York 3, N. Y.

Allies Book Shop, 3456, Broadway, New
York 31, N. Y.

CANADA

Mr. B. A. Romanovsky, 12036-90 St.,
Edmonton, Alta.

Mr. A. Kostyria, 6 Argyle St., Toronto 3,
Ont.

Mr. André Alpatoff, 11961, rue Poim-
caré. (Bordeaux), Montreal (P. Q.)

"Derby Universal Book Agency", P.O.B.
No. 27, Station "B". Phone Jackson—
2-3927. Hamilton, Ontario

EUROPE

Belgique: Librairie et Bibliothèque Sla-
ve — 13, Rue de Roumanie, Bruxelles

France: Mr. A. Krivocheff, "Kama"
27, rue de Villiers, Neuilly s/Seine,
Seine.

Germany: Frau J. Seuberlich, Wolfsburg
Postfach 63.

Italia: Sr. Prof. B. Sciriacov, Cas. posta-
le 102, San Remo.

Grèce: Mr. Filatoff, Rue Dedalos M,
Athènes.

Norge: Mr. F. Dymocha, Möller gt.
42/III. Oslo. Norge

Holland: G. A. Kolf, Amsterdamse
Weg 96, Arnhem.

AUSTRALIA

Mr. Parker, 28 Queen Bess Str. Baran-
da. Brisbane, Q-d.

Mr. P. Ostashkevich, 7 Whinham Str.,
Fitzroy, Adelaide.

Polyglot Book Depot, Post Office
Carrum, Melbourne, Vic.

Mr. M. M. Spassovsky, 8, Richmond Str.,
South Wentworthville, N.S.W.

ASIE

Iran: Leon Popoff, 273, Ave. Ferdousi,
Teheran.

РОЗЫСКИ

Объявления о розысках родных и знакомых принимаются непосредственно редакцией "Нашей Страны" и ее представителями на местах. Стоимость объявления, помещенного в трех последовательных номерах, 2 дол. в валюте соответствующей страны. Для Аргентины — из расчета 1 дол. равен 20 песо арг.

Александра Николаевича Егорова разыскивает брат Всеволод. Писать по адресу:
V. N. Egoroff, Las Heras 3041,
Florida, FNGBM, Argentina

Павлянка Шрамко из Краснодара просит откликнуться его друг Сергей Д. Лиц, что-либо о нем знающих, просит направлять сведения в редакцию газеты "Наша Страна".

Лидия Григорьевна ЖАРТОВСКАЯ, урожденная Тищевская, разыскивает своего дядю Пантелеймона Васильевича Ольховского, проживавшего в гор. Таганроге. Писать по адресу:
Mrs. Z. Scharnowska
3405 Beaconsfield Ave., Apt. 8
Montreal, P. Q., Canada